

Эльвира Баландина

философ, профессор (Россия)

От Чужого к Другому: проблема понимания в современном мире

Современный мир озабочен проблемой понимания. «Высоколобая философия» М. Бубера, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, М. Бахтина, М. Мамардашвили, Г. Марселя, Э. Левинаса, П. Рикера и др. ищет смыслы понимания в самых разных ракурсах и диспозициях: от герменевтики и диалогической философии до психоанализа.

Социальные, гуманитарные, а частью и естественные науки рассматривают разные аспекты понимания как предметы своего исследования, используя выработанную ими методологию.

В еще более широком контексте культурной жизни понимание, прежде всего, отмечается как проблема. Разобщение, характерное для нашего мира, переживается и фиксируется в самых различных сферах: борьба идей, жизненных стилей, образов мыслей, систем ценностей нередко принимает характер острой конфронтации и конфликта. Процесс «разбегания человеческих галактик» нельзя охарактеризовать как исключительно негативный, хотя вот оценки такого рода нередко и концентрируются вокруг тезиса об «атомизации общества». Этот процесс нельзя рассматривать и как безусловно положительный, хотя есть склонность представлять его таковым при защите плюрализации, мультикультурализма, естественных прав человека на свободу выбора страны, религии, образа жизни. В целом же перед нами чрезвычайно сложное и неоднозначной оценке не поддающееся явление, тем более, если оценка производится с помощью оппозиций «хорошо» и «плохо». Но как бы ни относиться к этой проблеме, очевидно то, что разобщение и различие людей и культур не будет иметь разрушающих последствий для человеческого общежития, если в нем присутствует момент понимания, хотя бы стремление к взаимности.

Понимание можно охарактеризовать как потенциальное или актуальное постижение знаков, переда-

ваемых языковыми или неязыковыми средствами от одного сознания к другому. Потенциально способностью понимания наделены все без исключения, но актуализация этих потенций наталкивается на множественные культурные или индивидуально сформированные паттерны, препятствующие процессу проникновения в чужое сознание. Естественным образом понимание обеспечивается путем адекватной интерпретации передаваемых знаков, если носители и интерпретаторы принадлежат к одной культурной группе. В других случаях требуются иногда значительные усилия для превращения Чужого и непонятного и Другого и более или менее понятного.

Как правило, интерпретация направляется на знаки, зафиксированные в какой-либо материальной форме, прочитываемые как текст. В качестве текста можно представить все, что угодно, если форма представления доступна чувственному восприятию. Мы читаем книги, «читаем» ситуации, людей и т.д. Ограничением интерпретативной произвольности служит сам текст, а также наше желание сближения с субъективным замыслом автора. Большей свободой интерпретаций обладают скрытые смыслы, незримо присутствующие в оболочке материальных форм или приписываемые интерпретатором наличествующим «текстам». Здесь собственный смысл текста утрачивается, ему придается тот, который вкладывается интерпретатором в соответствии с собственными его представлениями, понятиями, интенциями, оценками. Если в «тексте» присутствуют люди, то искажается, иногда существенно, intersubъективная коммуникация, что в разобщенном плюралистическом мире чревато конфликтами взаимного непонимания на всех его уровнях и во всех его сферах. Своеобразным «следом» искаженных коммуникаций является недоверие, становящееся устойчивым паттерном сознания и определяющее последующие дей-

ствия и отношения носителей этого паттерна. Проиллюстрируем это на примере науки и образования, заметив, что подобные примеры можно найти где угодно. В связи с расширяющейся дифференциацией научных дисциплин одновременно возникает тяга к их интеграции. Большинство проблем, которые приходится решать современной науке, носит ярко выраженный междисциплинарный характер и требуют соединенных усилий ученых, работающих не только в смежных, но часто и в отдаленных областях знания. На деле же необходимые и кажущиеся столь естественными научные коммуникации затрудняются отсутствием общего понимания и общей лексики. Общий словарь ученых, который обеспечивает их взаимопонимание, некий общий язык науки — это те научные сведения из самых разных областей, которые будущие ученые усвоили в средней школе. После окончания средней школы на переходе к высшей возникает то, что М.К. Петров назвал «коридорной ситуацией» — распределением выпускников общеобразовательных школ по специализированным вузам с последующей еще более специализированной подготовкой в аспирантуре. Специализация, не опирающаяся на общие фундаментальные области духовной деятельности и культуры, разобщает ученых навсегда, вызывает взаимное недоверие.

В результате люди, даже работающие в близких областях, с трудом понимают друг друга, а при решении междисциплинарных проблем львиная доля времени и сил тратится на построение общего поля смыслов, которое нередко сопровождается выяснением не столько научных, сколько просто человеческих отношений. Теоретически данную ситуацию призвана была бы смягчить система двухуровневого образования. Бакалаврская подготовка должна бы давать общие ориентиры в современной науке и практике, а постбакалавриат в виде специалитета и магистратуры уже распределять выпускников по «коридорам» — специальностям. Бакалавриат видится как углубленное продолжение средней школы, по крайней мере, на первом его, двухгодичном этапе. Его задача — образование, которое следует отделять от подготовки специалиста. Генеральная задача образования была хорошо сформулирована в свое время логиками Пор-Рояля. «Правильность ума неизмеримо важнее любых умозрительных знаний, которых мы можем достичь с помощью самых достоверных и самых основательных наук». Мешает построению этой модели невысокая востребованность образования как такового, ранняя специализация, стремление как можно быстрее и дешевле подготовить пригодного для использования работника, неопределенность положения бакалавра на отечественном рынке труда. Все указанное существенно меняет не лишнюю здравую смысла схему, а общее образование, которое обеспечивает взаимопонимание и более или менее определенную способность договариваться между специалистами в разных областях, остается на уровне средней школы.

В любых других, произвольно взятых сферах общественной жизни, обнаруживается примерно та же ситуация. Растущая дифференциация интересов,

предпочтений, ценностных, идеологических, психологических и прочих установок при отсутствии общей логики, тезауруса и языка делают понимание затрудненным, в ряде случаев практически невозможным, как невозможно понимание между крестьянином-производителем опийного мака в Афганистане и работником наркоконтроля в России.

Возможно, что в данном случае непосредственное взаимное понимание не является необходимостью, даже вредно, ведет к плохим последствиям. Но в более широком контексте необходимость уяснить логическую связь между производством наркотиков где-то в Афганистане или в Латинской Америке и потребностью западного мира в самоотравлении актуальна.

И.Бродский, А.Зиновьев, А.Мень — последние духовные и идейные лидеры российской интеллигенции

Но вернемся к проблеме понимания. Устойчивый паттерн недоверия, образуемый искаженной коммуникацией, не является единственным. Естественное следствие, в которое эволюционирует недоверие, — взаимная агрессия субъектов коммуникации, возникающая из непонимания и, как результат, из неприятия целей и намерений друг друга. Возникает подозрение в нечистой игре, в попытках манипулирования, в преследовании корыстных целей, что переживается очень болезненно. Паттерн по коммуникации воспринимается в качестве носителя негативных интенций, превращается из Другого в Чужого и враждебного, во врага. С врагом ни о чем не договариваются, врага нет необходимости понимать, его надо побеждать и уничтожать. Агрессия представляет собой конечный продукт взаимонепонимания. Зачастую бывает трудно определить причины взаимной неприязни личных или социальных субъектов, причины могут скрываться в полузабытых актах прошлого взаимодействия, реальная значимость этих фактов может быть сколь угодно ничтожной, но исторический «след» остается надолго. Если говорить о социальных субъектах, то на века, периодически возобновляя акты взаимной агрессии. Агрессия выглядит как бы немотивированной, но ее мотивы исходят из дальних событий, в которых взаимное непонимание породило недоверие, а недоверие переродилось в агрессию. Если даже в результате специальных усилий, например, переговоров, удастся достичь некоторого взаимопонимания, оно редко бывает полным и носит характер политического компромисса, при котором стороны договариваются о правилах временного мирного сосуществования. Конечное понимание остается затрудненным, ибо Другой продолжает оставаться Чужим, признается

функционально в качестве временно выгодного экономического или политического партнера, но не принимается в качестве «своего» полностью.

Примером могут служить напряженные отношения, часто приобретающие характер взаимной агрессии между «коренным» и «некоренным» населением территорий. Латентный характер взаимного неприятия скрывает действительную напряженность. Иногда достаточно бывает незначительного повода, чтобы скрытая агрессия стала явной и приняла чудовищные формы, как это было в Сумгаите, Нагорном Карабахе, Руанде, Чечне, Киргизии. Акты открытой агрессии укрепляют взаимное недоверие, непонимание, скрытую агрессию и служат питательной почвой для новой «неспровоцированной вспышки».

Превращение Чужого в Другого тесно и объективно связано с диалогическим мышлением, и — более широко — с диалогическим общением как таковым

Периодические акты агрессивного насилия способны стать практически непрерывными, привести к войне, подобной той, которую ведут множасьщиеся по всему миру организации, называемые террористическими. Их субъектную основу составляют социальные маргиналы, ставящие своей целью заявить миру о том социальном порядке, который они считают единственно возможным, мстящими миру за то, что он не принимает этот порядок и не принимает их право подобный порядок устанавливать. В определенном смысле террористическая деятельность сегодня — следствие плюралистического, дифференцированного мира, в котором каждый защищает свое право на собственную свободу, но никто не несет общей ответственности за всех. Попытки проявить такую ответственность встречаются враждебно как вмешательство в личный, национальный или региональный суверенитет, да и сами эти попытки больше напоминают насильственные действия по установлению отнюдь не общего, но своего порядка, и к взаимному пониманию сторон конфликтов не приводят. Так воспринимались и воспринимаются мировым сообществом действия американцев во Вьетнаме, Ираке, Афганистане; так воспринимались и воспринимаются действия СССР и России в Чехословакии, Афганистане, Чечне. Последствия такой «ответственности» долго, если не всегда, будут вызывать подозрение и недоверие, что взаимопониманию народов, естественно, не способствует.

Человеческая деятельность не может быть оценена в жесткой системе политических, экономических и т.п. «региональных» (в гуссерлевском смысле) баллов.

Она опосредуется символически, выступая как ансамбль знаков, часть из которых не проявляется постоянно, но имеет потенцию к произвольному проявлению в любой момент. Для того, чтобы избежать или смягчить деструктивные проявления человеческой активности, ее свойства, в том числе скрытые, должны «прочитываться» и подвергаться взаимным интерпретациям участников коммуникации постоянно, честно и по возможности объективно. К сожалению, в политической да и просто человеческой практике часто встречающийся запрет на обсуждения некоторых «опасных» тем по соображениям цензуры или широко понятой толерантности, тем более, ограничение свободы печатного или устного слова приводят к гораздо более печальным последствиям. Достаточно вспомнить сложную судьбу, похоже, последних духовных и идейных лидеров российской интеллигенции: И. Бродского, А. Зиновьева, А. Меня

Отсутствие взаимопонимания, когда значимый смысл возникает в результате общего стремления понять другого как Другого, значительно обедняет процесс общения и взаимодействия субъектов. Мы имеем дело в этом случае с неразвитостью особой герменевтики — герменевтики взаимопонимания, в которой подвергаются интерпретации не только «тексты», но также конструируется общий контекст. Исходные и возникающие по ходу диалога позиции сторон развиваются и углубляются, возникает личное, а не отстраненное отношение к авторам высказываемой или демонстрируемой точки зрения. В процессе диалогической практики изменяется и углубляется и самопонимание субъектов — участников диалога. Превращение Чужого в Другого тесно и объективно связано с диалогическим мышлением, и — более широко — с диалогическим общением как таковым. В процессе диалога образуется та жизненная ситуация, когда начинают интересоваться не столько те или иные действия другой стороны, сколько сама эта сторона: ее мотивы, ее ценности, ее устремления. Скажем, с трудом, но в процессе и пространстве диалога можно понять, почему в иной, неевропейской системе приоритетов собственная жизнь не является высшей ценностью. Тогда мы поймем и даже почувствуем, почему и во имя чего молодые мужчины и женщины не просто рискуют собственной жизнью, а охотно эту жизнь отдают, чтобы взорвать десяток-другой своих же соплеменников или случайных людей в автобусе, поезде, метро или самолете. Это понимание не повлияет на необходимые действия в отношении этих людей, но, возможно, оно позволит понять некоторые собственные действия более глубоко и более адекватно. Другой, будь это иной человек, иная культура, иная система ценностей в диалоге становятся собеседниками, из объекта воздействия становятся открывающимся Другим субъектом, даже несмотря на то, что никакое диалогическое мышление не предполагает устойчивого результата. Эта проблема снимается постоянством и непрерывностью диалога.

Весьма трудным вопросом является вопрос о едином основании диалогического взаимопонимания. Мы уже отмечали, что даже в пределах одной куль-

туры понимание друг друга значительно затруднено, тем более сложен диалог между культурами, каждая из которых отдает приоритет той системе ценностей, которую она сама и вырабатывает. Например, западная культура в целом выше всего ставит право и истину, российская — справедливость, некоторые восточные предпочитают красоту и изысканность внешних форм. То есть для диалога надо еще найти общие фундаментальные ценности. В частности, как ценность, входящую в любые ценностные системы, Хабермас предлагает коммуникативную рациональность. Она представляет собой своего рода всеобщий принцип, внутри которого любые индивиды и любые культуры способны понять друг друга в процессе диалога и практически на любом уровне.

Имеющиеся сомнения в эффективности принципа рациональности связаны с ее критикой со стороны «философии жизни», философии психоанализа, теоретиков Франкфуртской школы, экзистенциалистов. Но критические стрелы философии, направленные в рациональность, касаются того ее типа, который известен как классическая научная рациональность. Для нее характерна жестко фиксируемая дистанция между субъектом и объектом знания и действия. Смысл всяческой деятельности, включая коммуникативную, здесь совпадает с истиной, понимаемой в аристотелевском духе соответствия знания фактам реальности. В рациональности подобного типа не придается особого значения, иным, кроме истины, ценностным установкам, в лучшем случае они выносятся в сферу «идеологии».

Сегодня рациональность не трактуется исключительно как *cogito* Декарта или неперенный признак кантовского Трансцендентального Субъекта. Субъект и носитель рациональности — живой человек, который реализует в разных жизненных практиках не только рассудочно-интеллектуальные, но ценностные, эмоциональные и прочие стороны своего разума. Рациональность присутствует в них, выступая в разных видах и обликах.

На уровне непосредственной жизнедеятельности и повседневности рациональность выступает в виде обычного здравого смысла — формы рационализации повседневности. Безусловно, этому качеству человеческого ума недостает дальновидности и способности к прогнозированию отдаленных последствий. Но точно так же отдаленные последствия не прогнозируются в научных и философских теориях. Обычный здравый смысл не обладает видением проблемы целостно и всесторонне, но его приоритеты понятны и просты там, где не надо умножать сущностей и оснований. В чистом виде здравый смысл менее всего отягощен идеологическими и мифологическими предпочтениями и в этом смысле он достаточно рационален, позволяя разрешать многие проблемы человеческих коммуникаций вполне разумно.

Разумеется, часть жизненных ситуаций выходит за пределы компетенции житейского здравого смысла. Рационализация понимания в этом случае может использовать «технические правила»: следование нормам, стандартам, шаблонам. Наиболее эффективны из них те, которые вырабатываются совместно либо в

ходе исторических практик, либо в ходе специальных процедур. В первом случае они называются обычаями и традициями, во втором — правилами, нормативами, договоренностями, которые обычно фиксируются в особых документах. Рациональность подобных действий не вызывает сомнения. Сведение всех человеческих отношений к техническим и функциональным невозможно и небезопасно для человека.

Тот же Хабермас считает, что межличностные коммуникативные связи, составляющие важную сторону любого действия не должны рассматриваться исключительно как связи технические и инструментальные. Абсолютизация технически-рациональной стороны ведет к деформации, а то и полному разрушению

Многие философы XX века с мрачным самоубийственным удовлетворением отмечали крах рационального мышления, рациональной культуры, рациональной деятельности

взаимопонимания и взаимодействия сторон. В лучшем случае складывается взаимодействие без взаимопонимания как выполнение необходимых функций, от которых избавляются при любом удобном случае. Даже в этих случаях есть возможность осуществлять коммуникацию, не выходя за пределы рациональности. Здесь начинает подключаться то понимание рациональности, которое выработано в современной философии и науке.

По преимуществу и наука, и философия ориентированы на рациональное постижение действительности, хотя вот периодически, в том числе в наше время, в них могут нарастать иррационалистические мотивы, не способствующие, а препятствующие взаимопониманию людей из-за сильного акцента на уникальности и неповторимости жизненного мира индивида. Многие философы XX века с мрачным самоубийственным удовлетворением отмечали крах рационального мышления, рациональной культуры, рациональной деятельности. Но современная рациональность не отрицает уникальности и неповторимости, она сосредоточивает свое внимание на тех сторонах взаимодействия, которые могут воспроизводиться в формах языка и действия многократно, практически бесконечно.

Системный кризис европейского общества и культуры, видимо, справедливо связывать с преобладанием технократического подхода ко всем явлениям жизни, но несправедливо на этом основании отвергать рациональность как таковую. Вряд ли имеется

другое, столь универсальное основание, имеющее к тому же сильную опору в повседневности, науке, философии. Рациональность неотъемлема от европейского образа жизни, моделей поведения европейца, мира его ценностей. Европейская рациональность должна быть открыта неевропейскому миру как основание для диалога. В ее современном понимании присутствуют моменты этического и эстетического, осознанно-чувственного и эмоционального. Теоретически нетрудно доказать применимость рациональности в самых разных сферах жизни — в политике, в образовании, в повседневности, где она выступает в качестве организующего принципа. Остается сожалеть, что практически рациональность далеко не всегда оказывает влияние на естественный ход жизни, постоянно уступая сиюминутным интересам, эмоциональным взрывам, иррациональным, не поддающимся никакой логике спонтанным выбросам энергии действия...

Остается сожалеть также, что теоретико-философские, методолого-научные, а в последнее время и культурологические разработки в области рациональности оказывают незначительное влияние на практический ход жизни. Обращение к рациональным основаниям жизни, превращение ее в осмысленное и осознанное существование способно значительно облегчить разрешение проблемы взаимопонимания, а

в конечном итоге избежать опасности тотального разрушения жизненного мира европейца, о котором столь ярко пишет А. Зиновьев в очерке «Великий эволюционный перелом».

¹ См работы Э. Фромма, А. Горца, Ф. Хайека, Х. Арендт и др

² См. С. Бенхабиб Притязание культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру — М. 2003, В. Малахов. Скромное обаяние расизма и др. статьи — М. 2001; Э. Гидденс Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь — М. 2004; и др. Хотя вот заметим, что идеи мультикультурализма в последнее время перестают пользоваться популярностью и вызывают серьезную критику в западных странах

³ М. Петров. История европейской культурной традиции и ее проблемы. — М. 2004, ч. III, гл. 4

⁴ А. Арно и П. Николь Логика или искусство мыслить — М. 1991 с. 7

⁵ «множественность никогда не следует полагать без необходимости» - так перелагал аристотелевский закон достаточного основания У. Оккам

⁶ Ю. Хабермас. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. — М. 2008, лек 11

⁷ А. Зиновьев. Великий эволюционный перелом.// А. Зиновьев. Запад — М. 2007

«Мои выдающиеся русские коллеги — Питирим Сорокин и Александр Зиновьев. ... Вижу задачей молодого поколения — не только представить современную западную философию и социологию русской публике, но и привести их к диалогу с русскими традициями»

**Юрген Хабермас,
философ и социолог (ФРГ)**